

А. С. Пушкин

Собрание сочинений. Том 5
Библиотека великих писателей

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
П91

П91 **Пушкин А.С.**
Собрание сочинений. Том 5: Библиотека великих писателей / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2016. – 682 с.

ISBN 978-5-458-25463-2

Издание сопровождают отдельные этюды о каждом моменте биографии поэта, очерки о его ближайших друзьях и знакомых - Пущине, Кюхельбекере, Александре Тургеневе, Василии Пушкине, Вяземском и других, этюды о литературном влиянии на Пушкина русских и иностранных писателей. Каждое из сколько-нибудь значительных произведений Пушкина снабжено историко-литературным введением. К каждому из небольших стихотворений даются пояснительные примечания прямо параллельно тексту. Здесь нашли место наиболее замечательные из картин, писанных на пушкинские сюжеты - Брюллова, Ге, Репина, Айвазовского, Крамского, Клодта, Микешина, Мясоедова, Васнецова и многих других. Все произведения, в которых действуют исторические лица, иллюстрированы портретами этих лиц, видами местностей, бытовыми деталями и т.д. Издание напечатано особо заказанным шрифтом пушкинского времени, с сохранением авторского правописания. Порядок издания строго-хронологический, составители задавались целью представить ход творчества великого писателя в его последовательном развитии. «Мы хотели бы сделать своего рода Пушкинскую энциклопедию, где должно найти место всё, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта».

ISBN 978-5-458-25463-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики <на это никакъ не могу рѣшиться>, но на обвиненія велитературныя, которыя нынче въ большой модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя <если Господь пошлетъ мнѣ читателя>, что глупѣе сего занятія отроду ничего не могъ я выдумать.

910. [БУДЕМЪ СПРАВЕДЛИВЫ.]

Будемъ справедливы: г-на Пол[еваго] нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатыми; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

911. [О КИТАЙСКИХЪ АНЕКДОТАХЪ.]

О китайскихъ анекдотахъ; (о личностяхъ); о нравственности; объ аристократіи.—О примѣчаніи Л. Газеты. Разговоръ. Обо мнѣ; о личностяхъ. Напрямѣрь:

Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса Грамотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ Пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ Мандаринамъ. Другой грамотей <слѣдуютъ китайскія ругательства> или подслушалъ трагедію изъ прихожей <что, говорятъ, за нимъ важивалось>, или тихонько взялъ рукопись изъ шкапулки Мандарина <что въ старину также съ нимъ случилось> и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человекъ безталанный, но смиренный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотей-романистъ, человекъ ловкій и безпокойный, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ собственный Пекинскій судъ, и проч. проч.

912. [У ОДНОГО ИЗЪ НАШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.]

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики.—Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ,— а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухаго звалъ къ суду судья
глухова.
Глухой кричалъ моя имъ сведена
корова
Помилуй, возопилъ глухой тому въ
отвѣтъ
Сей пустошью владѣлъ еще покойный
дѣдъ!
Судья рѣшилъ: Почто идти вамъ братъ
на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка виновата!

913. [МОЖНО НЕ УДОСТОПВАТЬ ОТВѢТОМЪ СВОИХЪ КРИТИКОВЪ.]

Можно не удостоивать *ответомъ* своихъ критиковъ (ибо таковыя критики имѣютъ вліяніе только) <какъ аристократически говорить самъ о себѣ изд[атель] Исторіи Рус[скаго] Н[арода]>, когда нападенія (критики) суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ (обруганной) разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣвности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, вышѣ, къ нещастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. (Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія (нѣкоторыхъ) оныхъ.)

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ не литературныхъ обвиненій.

§ 1. О личной сатирѣ.—Кит[айскій] анекд[отъ].—Самъ съѣшь.

§ 2. О нравственности, о гр. Н[улинѣ].—Что есть безнравственное сочиненіе?—О Видокѣ.

§ 3. Объ лит[ературной] Аристокр[атіи], о дворянствѣ.

§ 4. Разговоръ о примѣчаніи.—Заключеніе.

(§ ... О Г. Кирѣвскомъ хл-хл!

§ О цѣлѣ Евг[енія] Онѣг[ина].

§ О знаменитости.)

914. [ПЕРЕЧИТЫВАЯ САМЫЯ БРАНЧИВЫЯ КРИТИКИ.]

Перечитывая (иногда) самыя бранчивыя критики, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, если бъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсь отъ волшебнаго вліянія (печати) типографіи. Все еще печатный листъ кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

915. [КЪ СТАТИ. НАЧАЛЪ Я ПИСАТЬ СЪ 13-ЛѢТНЯГО ВОЗРАСТА.]

Къ стати. Началъ я писать съ 13-ти-лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего (слабаго) дарованія, каково бы оно ни было. Иное тяготѣетъ, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ не долженъ я (въ зрѣлыхъ лѣтахъ) отвѣчать за перепечатываніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ аль[манахѣ], изданномъ г-мъ Федоровымъ, между (набранными) найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идилія, писанная слогомъ (камердянера) переписчика стиховъ г-на П—ва [Панаева]. Г-нъ Бестужевъ (благодарить) въ предисловіи какого-то своего альмананаха, благодарить какого-то Ап. за доставленіе (ему всѣхъ) стихотвореній, объявляя, (ему) что не всѣ удостоились напечатанія.

Сей г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ Г. Б[естужева] вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные (мною) не для печати <напримѣръ: *Она мила, скажу межъ нами,*> или которые протестительно мнѣ было написать на 19 году, но непростительно (неприлично) признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ [напримѣръ, *Посланіе къ Ю.*]

916. [ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.]

[Другая обработка предыдущей тѣмы].

Возвратясь изъ путешествія, узнавъ я, что Б[естужевъ], пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б[естужева] нисколько не показался мнѣ страшнымъ. Такъ, напримѣръ, г. Федоровъ напечаталъ однажды идилическую нечѣсть, сочиненную однажды г. Панаевымъ. Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ я нѣжное изъявленіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему [г. Бестужеву] [13 піесь], изъ коихъ 5 и удостоились печати,—то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ піесь, доставленныхъ г-номъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно [мною написанное] и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи неприятно отвѣчать за... чужія произведенія; то честь имѣю объявить г-ну Ап., что при первомъ такомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.»

917. САМЪ СЪШЬ.

Самъ съшь. 1) Слѣтъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчій нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: *обратите это на себя.* То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоній, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. *Самъ съшь* есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ немъ сказано, что Тебѣ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, не терпимую въ хорошемъ обществѣ, — и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пере-

1) *Происхожденіе сею слова:* остроумный человекъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: *съшь*, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: *самъ съшь*. [Замѣчаніе для *будуарныхъ*, или даже для *паркетныхъ* дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ].

сказано не много похоже, съ надписью: *самъ съшь*.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе *букашекъ*.—Самъ ты букашка, закричали бойкіе журналы, и стихи твои букашки, и друзья твои букашки. *Самъ съшь*.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратіевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостію дворянъ-журналистовъ. Осмѣлились спросить: кто сіи феодальные Бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе Гербовъ и Грамотъ отъ смиренной братіи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братьею <особенно мѣщанамъ во дворянствѣ> уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтнія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное *самъ съшь*! Къ несчастію, въ «Литературной Газетѣ» отыскали, кто были Аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что *самъ съшь* вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надбѣнность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность увижаютъ почетное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

918. [ОТЧЕГО ИЗДАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗ. И ЕГО СОТРУДНИКОВЪ НАЗЫВАЮТЪ АРИСТОКРАТАМИ?]

Отчего издателя Лит[ературной] Газеты и его сотрудниковъ называютъ аристократами <разумѣтся, въ ироническомъ смыслѣ>? пишутъ остроумно журналисты. Въ чемъ же состоитъ ихъ Аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне?—Нѣтъ; всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть—въ дворянской спѣси? Нѣтъ; въ Лит[ературной] Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной одинъ и вооружились противу сего смѣшнаго чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собраті-

евъ-мѣщанъ. Можетъ быть, въ притязаніяхъ на тонъ *высшаго* общества? Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ *хорошаго* общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе *бурлацкимъ*, другое—*мужицкимъ*, третье—*неприличнымъ для дамскихъ ушей* и т. п.; не они гнушаются просторѣчіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ <niaiserie, NB, не одно просторѣчіе>; не они провозгласили себя опекунами вышшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ Господъ; не они *comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas*; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о *будуарныхъ читательницахъ*, о *паркетныхъ* <?> дамахъ. Отчего же они аристократы <разумѣтся, въ ироническомъ смыслѣ>?

919—920. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО ПРАДѢДЪ МОИ.]

Въ одной Газетѣ <почти официальной> сказано было, что прадедъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестьянъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), Генералъ-Аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ <см. памятникъ, воздвигнутый въ Ц[арскомъ] С[елѣ] гр. Ф. Г. Орлову> и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому.—Прадедъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не все.—Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россію, ни исторію ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволить всякому выходцу клеветать, но непохвально ему за Русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему деньщики, между прочими Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій.

921. ВОЗВРАТЯСЬ ИЗЪ-ПОДЪ АРЗРУМА.

Возвратясь изъ-подъ Арзрума, написалъ я посланіе къ князю ** [(Н. Б. Юсупову)]. Въ свѣтѣ оно тотчасъ же было замѣчено... и были мною недовольны: свѣтскіе люди имѣютъ въ высшей степени этого рода чутьѣ. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лѣсть итальянскаго аббата и въ статейкѣ, заимствованной у Мерсио, заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать. Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы—

922. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО Я — МЪЩАНИНЪ ВО ДВОРЯНСТВѢ.]

Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что я—мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ (нашихъ родовъ). Мы производимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человека знатнаго <мужа честна, говоритъ лѣтописецъ>, прѣбывшаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго <см. Русскія Лѣтоп[иси] и Ист[орію] Гос[ударства] Рос[сійскаго]>. Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобринцевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ <(вѣроятно) изъ учтивости къ пок[ойному] Гр. Алексѣю Ивановичу>. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ уцѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, Исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣщанства. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. (Я описалъ всю его жизнь). Другой Пушкинъ,

во время междоусобствъ, (будучи воеводою въ Нижнемѣ) начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. 6 Пушкиныхъ подписались подъ избирательной грамотою о избраніи Романовыхъ а одинъ изъ нихъ, окольникій Матвѣй Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣланіемъ объ уничтоженіи мѣщанства <что мало дѣлаетъ чести его характеру>. При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, Столпикъ Федоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковиннымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери адмирала Гр[афа] Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣрнѣе Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ <странны судьба и союзъ сихъ имень!> см. Рюлера и Кастера. Черезъ 2 года выпущенъ по приказанію Екатерины и всегда пользовался ея уваженіемъ, (хотя) онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. <Вообще> имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей Исторіи.

(Нынѣ огромное имѣніе Пушкиныхъ раздробилось и пришли въ упадокъ; послѣднія ихъ родовыя имѣнія скоро исчезнутъ; (но) имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода).

(Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона).

Если бытъ стариннымъ дворяниномъ значить подражать Англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію Лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ предкамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу болѣею частью составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при Императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ Дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ

всякаго образованнаго народа. (Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи). Смотри около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалѣлъ, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожались, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденные, и какъ имя дворянина, часъ-отъ-часу болѣе униженное, стало наконецъ въ притчу и въ посмѣяніе даже разношницамъ, вышедшимъ въ дворяне, и (празднымъ) досужимъ (журнальнымъ) балагурамъ.

Образованный Французъ или Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ (Святослава) Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою (какогонибудь) двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Мипина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, м[ожетъ] б[ыть], всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться ими именами?

923. [ОДИНЪ ИЗЪ ВЕЛИКИХЪ НАШИХЪ СОГРАЖДАНЪ].

Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ <онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія>, что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, — и неуваженіе къ (личности) чести гражданъ и удобность клеветы суть одинъ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тишенія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенной путь для личной сатиры, именно обиняки. Первымъ примѣромъ обязаны мы ** [Воейкову], который въ своемъ журналѣ напе-

чаталъ уморительный анекдотъ о двухъ Китайскихъ Журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ (журналистъ) прогнѣвался на кого-нибудь, тотъ-часъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ-за границы <и большею частію изъ-за Китайской>, въ коемъ противникъ разписанъ (разбраненъ) самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частію, Китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изображательности и (воображенію) остроумію сочинителя, то, по крайней мѣрѣ, достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковою они написаны. Не узнавать себя въ пасквилѣ безыменномъ, но явно направленномъ, (казалось мнѣ) было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатать, что человекъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напримѣръ, платки изъ кармановъ—все таки долженъ отозваться и вступить за себя, конечно, не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Что за Аристократическая гордость позволять всякому негодяю швырять въ насъ грязью? (Когда какой-то затѣйникъ) Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ Дженгельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобриана, *comme un homme de noble race outrage et ne se bate pas.*

Однажды <официально> (безчестный историкъ) напечаталъ кто-то, что такой-то Фр[анцузскій] стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Лит[ературной] Газ[етѣ]—человѣкъ подлый и безиравственный, а что такой-то журналистъ, человекъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому и пр. Фр[анцузскій] стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. *On en rit, j'en ris encore moi même.*

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ льстивы. — На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула (мое кокетство).

Иной говоритъ какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золь, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой Біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ Біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія къ коимъ подають они поводъ—суть важный шагъ къ гласности прѣвнѣй о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ (публичныхъ людей) общественныхъ лицъ (hommes publics), — къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей казалось-бы (стоитъ) всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать на то, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало-по-малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

924. [МЕЖДУ ПРОЧИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ОБВИНЕНІЯМИ].

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издателя Сѣв[ерной] Пч[елы]? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, поло-

жимъ, цѣлое изданіе по рб. экземпляръ, все таки продавали бѣ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму, дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны. — Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоды—напечатать 20,000 экз[емплярровъ] книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта <le plus national et le plus populaire>, не противорѣчитъ нами сказанному, басни <какъ и романы> читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человекъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

925. ШУТКИ НАШИХЪ КРИТИКОВЪ.

(Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный Анекдотъ: въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянуть, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха! хи, хи, хи!

Де[львигъ] пишетъ стихи.

Каково же было намъ Дельвигу и мнѣ въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго В[ѣстника] Ев[ропы] найти слѣдующую шутку: Альманахъ С[ѣверные] Ц[ѣвты] раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ Эпиграммы! Сего не довольно. Это хи, хи! показалось, видно, столь (замѣчательнымъ для нашихъ журналистовъ) затѣйливымъ что его перепечатали съ большой похвалой въ Сѣв[ерной] Пчелѣ:

(Проза и стихи) «Хи, хи! какъ весьма остроумно сказано было въ В[ѣстникѣ] Евр[опы], etc.»

926. МОЛОДОЙ КИРЕЕВСКІЙ.

Молодой *Киреевскій*, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обзорѣ нашей словесности, говоря о Дельвигѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя Муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Д[ельвига] отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Киреевскій отозвался довольно непочтительно,—обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка (столь смѣшная будучи повторена въ сотый разъ) каждый разъ имъ и удается. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы а малое число любителей вѣрять наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мѣнѣямъ здравой (истинной) критики и безпристрастія.

927. [МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ ГРАММАТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА].

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ 5 грамматическихъ ошибокъ <и справедливо>; я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. ¹ Прозой пишу я гораздо неправильнѣе (чѣмъ стихами), а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Г^н.

У насъ многіе <между прочимъ и Г. Каченовскій котораго кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка> спрягаютъ: *ръшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ — рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ, вмѣсто рѣшу, рѣшишь и проч. рѣшу* спрягается какъ *ръшу*.

¹ Сбоку выписаны эти 5 ошибокъ: 1) останавливать взоръ на отдаленныя громады; 2) на темѣ горъ <темени>; 3) волгъ вм. выгъ; 4) былъ отказъ вм. ему отказали; 5) пугуну вм. пугуну.

Иностранныя собств[енныя] им[ена], кончающіяся на *e, u, o, y* не склоняются. Кончающ[іяся] на *a, z* и *z* склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга сочиненная *Гетемъ*, и проч.

Какъ надобно писать: *Турковъ* или *Турокъ*? То и другое правильно. *Турокъ* и *Турка* равно употребительны.

Многіе пишутъ: *юбка, сватьба* вмѣсто *юбка, свадьба*. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *н* на *б*, а мы говоримъ *юбочница, свадебный*.

Двенадцать, а не *дѣнадцать*. *Две* сокращено изъ двое, какъ *три* изъ трое.

Пишутъ *телега, телга*. Не правильнѣе ли *телега* <отъ слова *телець*: телега, запряженная волами>?

Разговорный языкъ простаго народа <не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ> достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфieri изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ Базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ. Онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

Московской выговоръ чрезвычайно измѣненъ и прихотливъ. (Мы говорили) Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ (часто) измѣнены. Мы даже говоримъ: *женщины, (пошлетъ) нослетъ* (см. Богдановича).

<Шіоны подобны буквѣ *z*: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтись, а они привыкли всюду соваться>.

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычаи.

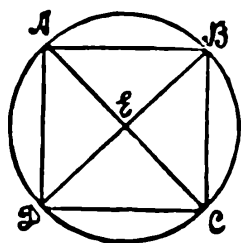
МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

928. [ЕЗУИТЬ ПОССЕВИНЪ].

Езуитъ Поссевицъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макиавеловой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертнѣйшій флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій II Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевицъ никогда не читалъ Макиавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

929. [ФОРМА ЦИФРЪ АРАБСКИХЪ].

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:

AD [1], EABDC [2], ABECd [3], ABD + AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

930. [ОТЕЛЛО ОТЪ ПРИРОДЫ НЕ РЕВНИВЪ].

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ доверчивъ. Вольтеръ это понималъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ.

Je ne suis point jaloux...
Si je l'étais jamais!...

931. [ЧЕЛОВѢКЪ ПО ПРИРОДѢ СВОЕЙ СКЛОНЕНЪ БОЛѢЕ КЪ ОСУЖДЕНІЮ].

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... <говоритъ Макиавель, сей великій знатокъ природы человѣческой>.

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, стран-

ности, и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полеваго, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

932. [DIVIDE ET IMPERA].

Divide et impera — есть правило государственное, не только макиавелическое <принимаю это слово въ его общенародномъ значеніи>.

932-а. [КАКОЙ-ТО ЛОРДЪ].

Какой-то лордъ, извѣстный лѣннивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

933. [О ДАМАХЪ].

Одна умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приноравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто насъ удивляютъ быстротою понятія, тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими съ славою, между прочимъ Екатериною II, и гдѣ вообще женщины болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ общему въ Европѣ ходу вещей, чѣмъ мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

934. [МНОГІЕ НЕГОДУЮТЪ НА ЖУРНАЛЬНУЮ КРИТИКУ].

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной тонъ, не знаніе приличія и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и приобрѣтаетъ навыкъ къ суетной

образованности, подобно праздному жителю большого свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залогомъ добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

435. [ГЕТЕ ИМѢЛЪ БОЛЬШОЕ ВЛІЯНІЕ НА БАЙРОНА].

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльдъ Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи—и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

936. [БУКВЫ СОСТАВЛЯЮЩІЯ СЛАВЯНСКУЮ АЗБУКУ. ENO ET IKAEL].

Буквы, составляющія Славянскую азбуку не представляютъ никакого смысла. *Азъ, буки, вѣди, маюль, добро* etc. суть отдѣльныя слова, выбранныя для начального ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить апофеогмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, *вѣроятно*, было слѣдующее: *Азъ Букъ* <или *Бугъ!*> *вѣдю*, т. е. я Бога *вѣдаю* <!*!*>; глаголю *добро* есть; живеть на землѣ, кто и какъ люди мыслить; нашъ онъ покой рцу. Слово (*Δόγος*) твержу... <и прочая, говоритъ Грамотинъ>; *вѣроятно*, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла. Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки Французской. Вотъ она:

ENO et IKAËL.

Tragédie.

Personnages:

Le prince Eno.

La princesse Ikaël, amante du prince Eno.

L'abbé Pécu, rival du prince Eno.

Ixe
Igrek
Zède } gardes du prince Eno.

Scène unique.

Le prince *Eno*, la princesse *Ikaël*, l'abbé *Pécu*, Gardes.

E no.

Abbé! Cédez...

L'Abbé.

Eh! f...

E no [mettant la main sur sa hâche d'arme].
J'ai hâche!...

Ikaël (se jetant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno! (Ils s'embrassent avec tendresse).

E no (se retournant vivement).

Pécu est reste? Ixe, Igrek, Zede! Prenez m-r l'Abbé et jetez-le par les fenaitres!

937. [МНОЖЕСТВО СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ, НАСИЛЬСТВЕННЫМЪ ОБРАЗОМЪ ВВЕДЕННЫХЪ].

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: *трогательный* отъ слова *touchant* <см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова>. *Хладнокровіе*—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть *sans froid*—хладномысліе, а не *sang froid*. Такъ я писали это слово до самаго 18-го столѣтія. «*Dans son assiette ordinaire*». *Assiette* значитъ—положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ: *не въ своей тарелкѣ*.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ. (*Горе отъ ума*).

938. [ПОСЛОВИЦЫ].

«Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать», т. е. не твоя забота.

«Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ»—пословица латинская.

«Нужда научитъ калачи ъсть», т. е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

«Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ». Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т. е. въ посольствѣ.

«Не суйся среда прежде четверга». Смыслъ проищескій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспоривать явныя, законныя преимущества; *вѣроятно*, выдумана во время мѣстничества.

«Горе лыкомъ подпоясано». «Разительное изображеніе нищеты; см. Древнія стихотворенія».

«Иже не ври же, его же пригоже». Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острялись.

939. О ПРИЛИЧИИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

По поводу Альфреда де Мюссе.

Между тѣмъ, какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія подъ заслуженнымъ названіемъ *Harmonies religieuses*; между тѣмъ, какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія *les Orientales*; между тѣмъ, какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющаго неопита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей Французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсень и произвелъ *недоумьніе*... Какъ приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодование журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлю объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что, вѣроятно, семейство его, читая его стихи, не станеть раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымысль, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣеть. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣеть болѣе всего достоинства: сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ: *Les marrons de feu* общааетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти *Mardoche* Musset, первый изъ Французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горация: *difficile est propria communia dicere*, какъ понялъ ихъ Англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: *трудно различно выразить обыкновенные предметы. Communia* значитъ не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. <Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ>.

940. [О ДРАМѢ].

Драматическое искусство родилось на площади—для народнаго увеселенія. Что нравится народу, что поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки <вольность мистерій> Расинъ переносить ее во дворъ. Каково было ее появленіе?

<Корнель, поэтъ Испанскій>.

Сумароковъ, Озеровъ <Катенинъ>.

Шекспиръ, Гете. Вліяніе его на нынѣшній Фр[анцузскій] театръ,—На насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное В[яземск]имъ; они на словахъ согласились, признали Романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная.—Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, Государственныя мысли Историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. *Свобода*.

Между тѣмъ, какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что *Прекрасное* есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи разкрашенныя (и слѣдственно ближайшія къ природѣ) нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Ап[оллонѣ] Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ Драм[атическаго] Искусства]. Что, если докажутъ намъ что и самая сущность Др[аматическаго] искусства] именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыть и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымысль, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящія чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но (можетъ ли сей обманъ существовать) въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ